

На правах рукописи

Львова Катерина Алексеевна

**ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ СХЕМЫ МИФОМЫШЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ**

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2019

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рягузова Людмила Николаевна

Официальные оппоненты: **Шульженко Вячеслав Иванович**
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания,
русской филологии, журналистского
и литературного мастерства
ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»

Меретукова Мариета Муратовна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» (г. Ростов)**

Защита состоится «7» декабря 2019 года в 15.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 212.101.04 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350018, Краснодар, улица Сормовская, 7, ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350018, Краснодар, улица Сормовская, 7, ауд. 309 и на сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

М.В. Безрукавая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Мифологизм современной русской литературы проявляется в форме присутствия архаического мифа или его элементов в тексте, в создании авторского мифа. Русская классическая литература как единый текст, культурный концепт превращается в миф, становясь особым способом мировидения. Разделение содержательной части и структурной оболочки делает образы классической литературы знаками, «кладовой архетипов», источником тем, идей, проблем. В результате разрушения мифа о классической литературе и её героях рождаются новые мифы. Антимиф становится мифом, пародируемая парадигма мифологизируется, обновляется, через отрицание идёт своеобразное утверждение, развенчанный миф обретает со временем статус мифа, порождая или провоцируя рождение его новой ипостаси. Таким образом, русская классическая литература становится национальной мифологией, чему в равной степени способствуют процессы ремифологизации и демифологизации, их параллельное функционирование в современном художественном мышлении.

Мифологизм в культуре XX–XXI вв. понимается неоднозначно: трактуется как черта эстетики постмодернизма (разновидность интертекстуальности) и как самостоятельный тип создания художественной действительности, обладающий специфическими способами и средствами реализации. Постструктурализм играет чужими текстами – миф, выступая в функции знака литературного текста, включается в этот процесс, трансформируя свой смысл и структуру. Мифологическая семиотизация литературного текста получает следующие характеристики: обеднение содержания; замена смысловой многозначности однозначностью; установка на узнаваемость шаблона, схематизацию сюжета; главенствующая роль мифотворящего сознания автора (демиурга, как В. Набоков, А. Битов), который управляет мифами. Мифологизация романа, творческого процесса, литературы – это не подражание реальности, а её осознание, стремление к созданию иной действительности, «реальности литературного существования», по выражению А. Битова. Процессы ре- и демифологизации развиваются параллельно, будучи включёнными в семиотическую парадигму «жизнь / текст». Не случайно герой романа А. Битова «Пушкинский дом» воспринимает окружающий мир как книгу или цитату. Современный мифологизм означает не просто игру культурными кодами: это возвращение литературы к своему прародителю – Мифу – как форме познания и моделирования картины мира.

Вторичная семиотизация литературы и функция мифа, призванная создавать модели для поведения, сходны в плане выражения, представляя собой «готовый сюжет», «готовое имя», не подвергающиеся анализу и критике. Разница лишь в том, что первый процесс подразумевает наполнение мифа своим, актуальным для данного исторического времени содержанием. Вторичная семиотизация проявляется именно в

процессе *присвоения* мифа историей («миф» и «история» принципиально противоположны друг другу). Формирование пантеона великих писателей, мессианская идея русской классической литературы, вера в силу печатного слова, преемственность традиций, ученичество – все это мифологизировало русскую классическую литературу, сделало ее удобной формой для проведения идей любого рода, которые, будучи изреченными одним из великих писателей, могут восприниматься как абсолютная истина (что полностью соответствует законам мифологического сознания). Саморефлексия этого процесса составила содержание анализируемых нами произведений.

Литературные герои и авторы «золотого века» русской литературы в процессе мифологизации теряют личностную окраску, становятся всеобщим достоянием, обретают идеологическое звучание. Персонажи как бы дважды подвергаются метафизической смерти: первый раз – в результате смерти прототипа и порождения литературного героя. Во второй – в результате смерти литературного героя и порождения героя мифа или мифа. Процессы и результаты литературной мифологизации представлены в сборнике статей «Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы», где рассмотрены как отдельные мифы о писателе: «биографический миф», «персональный миф» (В.В. Набокова, Г. Газданова)¹, так и мифы о русской эмиграции в целом – «культурные мифы», контрмифы. Миф есть квазиреальность (миф формируется на границе реальности и воображения), а бытие русской эмиграции было квазибытием (вне / между границами). Через восприятие архетипической судьбы изгнанников складывается эмигрантский миф, который трактуется как феномен самосознания русской эмиграции (в нем актуализируются аксиологические и телеологические функции).

Специфику мифологического сознания рассматривает В.Н. Топоров, употребляя понятие «архаические схемы мифомышления»², по аналогии с которым нами рассматриваются постмодернистские схемы мифомышления. В теоретико-литературном плане схема мифомышления может пониматься как модель с обобщающей опорой на миф и его преобразование в художественном пространстве в результате процессов демифологизации и ремифологизации.

Актуальность нашего исследования обусловлена ограниченным кругом работ по теории неомифологизма, в частности, по изучению механизмов мифотворчества текстов русской классической литературы в ходе критической рефлексии и поэтики метаописания, комментирования. Исходя из трактовки современного мифологизма в качестве художественного средства, соответствующего определенной концепции

¹ Русская диаспора: эмиграция и мифы: сб. ст. / сост. А. Данилевский, С. Доценко. – Таллинн: Изд-во Таллинн. ун-та, 2012. – 260 с.

² Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – С. 211.

мира, инструмента повествовательного структурирования (Е.М. Мелетинский), миф рассматривается нами как способ мышления, прием литературной саморефлексии.

Цель нашего исследования – раскрыть процессы мифологической семиотизации текста через преобразование сюжетных схем, имён авторов и героев в знаки и культурные коды, функционирующие в пространстве прозы XX – начала XXI вв.

Избранной целью продиктованы следующие конкретные **задачи исследования**:

1) охарактеризовать неомифологизм как теоретическую проблему и как одно из ключевых художественных свойств современной русской литературы;

2) показать развитие и соотношение понятий «неомифологизм», «миф», «литература», «литературный миф», «мифологема» в современном художественном мышлении и научной теоретико-литературной рецепции;

3) проанализировать процесс превращения русской классической литературы в миф по схеме: *знак – символ – мифологическое сознание – миф*;

4) обозначить возможные способы присутствия и типологизации мифологического содержания в литературе;

5) проанализировать специфические черты неомифологизма в романах В. Набокова, А.Г. Битова, М. Шишкина, П. Крусанова, В. Маканина, В. Шарова, в частности, приемы и механизмы в создании *преемственной связи* с текстами русской классической литературы, во взаимоотношениях автора и героя в условиях мифа.

Объектом нашего исследования является мифологизм современной литературы и мифологические модели его художественного воплощения. **Предмет** исследования – виды существования и приемы реализации явления неомифологизма в современной русской прозе, в частности, процесс воспроизведения и формирования литературных мифов, средства их структурного повествования.

Материалом для данного исследования послужили следующие художественные тексты («литературоцентричные» и «мифотворческие»): «Дар», «Подвиг» В.В. Набокова, «Пушкинский дом», «Фотография Пушкина» А.Г. Битова, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца, «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканина, «Заповедник» С. Довлатова, «Венерин волос» М. Шишкина, «Укус ангела» П. Крусанова, «Возвращение в Египет» В. Шарова. Большая часть работы посвящена «Пушкинскому дому» (тексту о мифах и тексту-мифу одновременно), в метаописательной структуре которого реализуются идеи мифологизации литературы и обнаруживают себя механизмы мифопорождения. Выбор произведений продиктован целью исследования. Прежде всего, нас интересуют те произведения, в которых действует герой-носитель мифологического сознания, герой-читатель. Так как область действия мифа – сознание, то и изучать мифологические формы бытования русской классической литературы в современной прозе мы можем только в рамках этого читательского сознания.

Временной разрыв между произведениями, избранными нами для анализа, обусловлен стремлением представить преемственность в развитии мифов о русской классической литературе, многообразии механизмов и приемов моделирования литературного мифа.

Научная новизна диссертации обусловлена поставленной целью и задачами и заключается в следующем:

1) обозначены возможные способы присутствия и типологизации мифологического содержания в литературе и проанализирован процесс мифологизации элементов текста по схеме: *знак – символ – мифологическое сознание – миф*;

2) показано развитие и соотношение понятий «неомифологизм», «миф», «литература», «архетип», «мифологема» в современном художественном мышлении и научной теоретико-литературной рецепции;

3) выделены приёмы и механизмы мифологической семиотизации текстов русской классической литературы и преобразования имени в знак;

4) проанализированы отношения автора и героя в условиях литературного мифа;

5) в работе рассматриваются в сопоставлении художественные тексты, ставшие достоянием научной мысли, и произведения, совсем недавно введённые в научный оборот.

Степень разработанности проблемы. Мифопоэтическое мышление и мифопоэтика являются актуальной областью изучения современного литературоведения. Популярны также междисциплинарные исследования явления мифологизма с точки зрения философии, психологии, фольклористики. Присутствию мифа в современных литературных текстах посвящено немало научно-исследовательских работ: труды О.Э. Никитиной³, Н.Г. Медведевой,⁴ А.С. Меркуловой⁵, Н.К. Кашиной⁶, А.С. Полушкина⁷ и др. В нашей работе мы, отталкиваясь от положений, высказанных в вышеуказанных исследованиях, рассматриваем современную прозу не как вместилище мифологических образов и структур, а как пример семиотизации мифа в художественном мышлении авторов.

³ Никитина О.Э. Биографический миф как литературоведческая проблема: На материале русского рока: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Никитина Ольга Эдуардовна. – Тверь, 2006. – 309 с.

⁴ Медведева Н.Г. Миф как форма художественной условности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Наталья Геннадьевна Медведева. – М., 1984. – 173 с.

⁵ Меркулова А.С. Миф о городе в современной русской прозе: романы Д. Липскерова «Сорок лет Чанчжоз» и Ю. Буйды «Город Палачей»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Меркулова Алина Сергеевна. – М., 2006. – 203 с.

⁶ Кашина Н.К. Онтология мифа в текстах В. Розанова как генезис «другой» литературы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Кашина Наталия Константиновна. – Иваново, 2012. – 371 с.

⁷ Полушкин А.С. Жанр романа-антимифа в шведской литературе 1940–1960-х гг. (на материале произведений П. Лагерквиста и Э. Юнсона): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Александр Сергеевич Полушкин. – Екатеринбург, 2009. – 255 с.

Процессам мифологизации и семиотизации русской классической литературы как единого текста (или его фрагментов) в «Пушкинском доме» и близким ему по типу мифопорождающих текстах в пространстве прозы XX века не уделялось, на наш взгляд, достаточного внимания, в частности, в жанре диссертационных исследований.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды общетеоретического характера отечественных и зарубежных лингвистов, литературоведов и философов, занимающихся вопросами теории и практического функционирования и трансформации мифа. В философском и культурологическом аспектах исследования мы опирались на труды отечественных и зарубежных ученых и философов: А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского, М. Элиаде, Р. Барта, Дж. Кэмпбелла и др. В диссертации использованы принципы исследования мифопоэтического текста в литературе, сформированные З.Г. Минц, Е.М. Мелетинским, В.Н. Топоровым, М.Н. Вирролайнен и др. Работа основывается на теоретических разысканиях в области мифа и мифологического А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, О.М. Фрейденберг, а также на исследованиях учёных XX века: Я.В. Погребной⁸, В.Ю. Белоноговой⁹, В.А. Маркова¹⁰, И.П. Смирнова¹¹ и др.

В методологии работы использованы такие актуальные в современных научных условиях **методы исследования**, как мифопоэтический, интертекстуальный, структурно-семиотический, системно-типологический.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская классическая литература в мифологизированном художественном сознании распалась на отдельные, самостоятельные знаки, стала питательной средой, «строительным материалом» для романа XXI века, целостным «культурным текстом», воплощая такие функции мифа, как гармонизация действительности, оживление, объяснение мира, соотносясь с мифом по функциям и способу ее восприятия.

2. Для создания литературного мифа необходимо мифологическое сознание, воспринимающее знак как миф, героем должен быть читатель русской классической литературы. Автор свободен от мифов: он творит их, а не живет ими.

3. Процессы ре- и демифологизации в современной литературе развиваются параллельно, провоцируя и предопределяя друг друга. Развенчание мифа, обретая ста-

⁸ Погребная Я. Аспекты неомифологизма В.В. Набокова. Автор, герой, образ. – Lambert, 2011. – 520 с.; Погребная Я. Проблемы современной мифопоэтики: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2011. – 177 с.

⁹ Белоногова В.Ю. Выбранные места из мифов о Пушкине. – Н. Новгород Деком, 2003. – 120 с.

¹⁰ Марков В.А. Литература и миф: проблема архетипов (к постановке вопроса) / Тыняновский сборник. – Рига: Зинатне, 1990. – 344 с.

¹¹ Смирнов И.П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. – СПб.: РХГА, 2008. – 264 с.

тус утверждения (социального и эстетического), порождает традицию и занимает место предшественника. Важный механизм демифологизации – абсурдизация содержания, утверждающая иной ракурс прочтения мифа.

4. О демифологизации образа или сюжета свидетельствуют нарративная структура текста, авторская индивидуальная мифология, саморефлексия (миф, анализирующий себя изнутри, разрушается), метаописание (миф о мифе).

5. Процесс ремифологизации содержит в себе разрушительный заряд, так как восприятие становится трафаретным и шаблонизированным, а демифологизация, напротив, положительна, ведёт к созиданию истинных, глубинных смыслов классических текстов. Приемы демифологизации (пародия, абсурд, карикатура, бытовизация, детализация и «очеловечивание») содержат новые потенции мифологизации.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Основные результаты исследования обсуждались на ежегодной научной конференции аспирантов и докторантов (КубГУ, 2012, 2013, 2017), на региональной научно-практической конференции молодых учёных «Развитие социально-культурной сферы юга России» (2013), на Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2017), на заседаниях кафедры истории литературы, теории литературы и критики КубГУ, проходили апробацию в ходе аспирантской практики, отражены в 11 публикациях, в том числе в 4 изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов кандидатских диссертаций.

Научно-практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке курсов истории русской литературы в высшей школе. Результаты исследования применимы в элективных курсах по истории отечественной литературы XX–XXI вв. и в курсах по выбору, посвящённых творчеству А.Г. Битова, В.В. Набокова, а также по проблемам постмодернизма и неомифологизма.

Структура работы определена логикой научного исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 203 источника. Объем диссертационной работы 181 страница.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснована актуальность диссертационного исследования, сформулированы цели и задачи работы, определены объект, предмет и теоретико-методологическая база исследования, раскрыта научная новизна, выявлена практическая значимость диссертации, а также сформулированы положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Миф как “внетекстовая знаковая реальность” в современной науке о литературе XX века» названы основные термины и понятия, используемые при определении мифа в литературе, обозначен терминологический аппарат для практической части исследования.

В *первом параграфе первой главы* исследования «Миф как культурно-исторический феномен» миф рассмотрен нами с разных точек зрения: философской, культурологической, психологической и литературоведческой.

Современные учёные-литературоведы рассматривают миф не только как архаичную форму существования литературы, но и как один из способов существования литературы сегодня. Литература испытывает влияние мифа 1) через использование архетипических образов и традиционных мифологических сюжетов; 2) через следование некоторым структурным принципам мифа; 3) через само мифологическое сознание как особенность культурной ментальности, актуализированной в современных условиях.

Мифопоэтический анализ современной литературы позволяет говорить о новых процессах, которые действуют при отборе материала для мифотворчества. Мифология всегда нуждается в определённых знаках и символах, но если в первобытную эпоху ими были явления и предметы природы (так как цель первобытной мифологии – объяснить окружающий мир и придать смысл его действиям и действиям человека), то в XX–XXI вв. это предметы и явления культуры и, в частности, литературы. Из произведений русской классики современная культура заимствует образы, как из национальной мифологии. На сегодняшний день актуально не воспроизведение готовых мифов, а индивидуальное мифотворчество, которое получило название *неомифологии*.

Неомифология как предмет филологического исследования был порожден творчеством символистов, которые мифологизировали свою биографию, историю России, современную им действительность. Символисты подали пример восприятия литературы не как словесного творчества, а как источника знаний о мире, житнетворчества; они стали создавать свои миры, в которых старались жить, реализуя возможности написанного текста в жизни и стирая границы между реальностью и вымыслом. Это дало начало процессам авторской неомифологизации. Мы не будем подробно останавливаться на вопросе о происхождении неомифологизма, так как нас интересует не развитие явления, а его функционирование в современной литературе.

Неомифология современной литературы является новой вариацией мифологизма предшествующих эпох, интерпретируя мифы, сложившиеся ранее, и осваивая тенденцию к мифотворчеству. Но под влиянием историко-культурных преобразований он приобретает в культурно-исторической перспективе и новые качества, что вынуждает нас при характеристике этого явления использовать приставку «нео».

Во *втором параграфе первой главы «Миф и неомиф как теоретико-литературные концепты»* анализируется соотношение понятий «неомифологизм» / «мифологизм» как видового понятия с родовым. Архаический миф повествует о вечном и уходит корнями в древность. Присутствовать в современном тексте архаический миф может как намек, аллюзия, подтекст, как источник образов и архетипов. Неомиф заимствует у традиционного архаического мифа структуру, методы, приёмы, но наполняет их своим, новым, содержанием. Миф – носитель абсолютного знания; неомиф – одна из точек зрения на действительность, в том числе и на миф, ему присущи ирония, пародия, абсурд, которым не может быть места в традиционном мифе.

Можно отметить активный процесс семантизации «мифа» и «неомифа» как теоретических концептов в современном научном мышлении, вычленившим градацию и целый ряд соотносимых образов-понятий – *мифологема, мифологическое мышление (сознание), жанр-миф (поэма, роман, повесть), демифологизация, ремифологизация, мифопоэтика, мифотворчество, архетип, мифологизм.*

Литературу, миф и неомиф сближает номинативная функция слова. Литература изначально близка мифологии как ситуация создания и названия мира через слово. Четкая структурная организация литературы позволяет ей не только осваивать мифологическую традицию, переосмысливая ее, но и видоизменять мифы по законам поэтики. В результате создается «*литературный миф*», в котором сосуществуют содержательные и структурные особенности мифа и литературы. В нашем исследовании мы используем термин «*литературный миф*», подразумевая под этим понятием разновидность неомифа.

Взаимодействие мифа и литературы приводит к появлению жанра *романа-мифа*. *Роман-миф*, помимо особенностей образной системы, сюжетостроения и мифологического повествования (циклического времени, условности начала / конца, повторяемости ситуаций), берет на себя часть его функций. Этот жанр предполагает наличие мифологического сознания: *у писателя, читателя или героя*. Носитель такого типа сознания воспринимает мир и себя в нем нераздельно. *Герой-читатель* воспринимает литературу и реальную жизнь через призму мифологического сознания, он принимает на веру шаблоны и пытается найти им применение в своей жизни. *Герой-автор* свободен от мифов, не поддается влиянию готовых смыслов. Он воспринимает литературу как часть жизни, а не как миф, объясняющий жизнь. В пределах одного художественного текста возможен переход героя первого типа во второй.

В *третьем параграфе первой главы «Миф как “реальность литературного существования”»* обозначается проблема семиотизации литературы. Ю.М. Лотман называет литературу «*вторичной знаковой системой*» и говорит о возможности текста стать знаком и функционировать в дальнейшем как часть глобального текста. Знаковая природа литературы способствует её мифологизации, так как для литературного текста знаковое бытие является промежуточной стадией на пути становления

символом, а потом и *мифом*. Исходя из того, что граница различия между знаком и символом условна и подвижна, мы в нашей работе будем придерживаться определений, данных А.Ф. Лосевым, который называл символом любой знак, который может иметь бесконечное количество значений. Для нас интересной представляется не столько многослойность знака в языке художественного текста (т. е. его содержательная сторона), сколько *возможность текста стать знаком* (т. е. сторона формальная).

Герои и тексты русской классической литературы выполняют типовую роль знака в жизни людей. В романе В. Набокова «Приглашение на казнь»¹² мифологическая семиотизация текста, в частности, преобразование имени в знак находит предметно-образное воплощение: мягкие куклы «маленького волосатого Пушкина», «Гоголя в цветистом жилете», «старичка Толстого». А. Битов рассматривает процесс, вернее итог семиотизации литературы, через обращение имени собственного в имя нарицательное, или слово-символ¹³. Д. Сегал в своей работе «Литература как вторичная моделирующая система»¹⁴ за основное положение принимает то, что в русской традиции литература всегда была источником понимания жизни. Это ее привилегия, налагающая на литературу определённую ответственность. Обратной стороной такого сверхценностного отношения к литературе стала ее гипертрофия, явление «литературности» – замещения жизни литературой. Классическая литература, как известно, обладала убедительной силой влияния на действительность. Но потенциал «слова», который и заключал в себе эту силу литературы, в конце концов привёл к разрушению жизни, к созданию мёртвых моделей. В конце XX века наблюдается ситуация создания метатекстов, предмет которых – осознание творческого процесса.

Формирование неомифа проходит несколько этапов: миф теряет своё содержание, становится формой для содержания иного порядка, становится знаком, указывающим на иной смысл, потом вбирает в себя этот смысл настолько, чтобы подразумевать его, то есть становится символом этого содержания. Происходит процесс слияния формы (бывшего содержания) с новым содержанием, что рождает неомиф.

Во *второй главе «Ремифологизация и демифологизация текстов русской классической литературы в постмодернистской прозе»* изучаются процессы, связанные с вторичной семиотизацией, ведущей к созданию мифологических образов в отдельном произведении, рассматривается структура мифов о русской классической литературе.

¹² Набоков В.В. (В.Сирин) Собр. соч. – СПб.: ДИЛЯ, 2007. – С. 745.

¹³ Битов А.Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. – М.: Астрель, 2014.

¹⁴ Сегал Д.М. Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publisher, 2006. – С. 20.

Первоначальная задача мифа – нейтрализовать некоторое противоречие. Это и есть тот импульс, что вызывает развитие мифа, его устойчивое пребывание в сознании. Когда же этот интеллектуальный импульс истощается, наступает время демифологизации, которая высвобождает энергию мифа, даёт новый толчок к его развитию, потому что под влиянием этих процессов и ситуации остранения обновляется сознание, в котором этот миф существует. *Демифологизация* изменяет восприятие мифа, разрушает стереотипы мифопоэтического мышления. Знаковая природа предмета, которая проявляется в его способности указывать на содержание, отличное от своего, становится сильнее. Это приводит к новым интерпретациям мифа.

Мифологизация возможна после становления объекта (текста, идеи) *знаком*. Тексты классической литературы переходят в символ, знак, становятся мифом, благодаря процессам бесконечного перетолкования, пародийного воспроизведения, демифологизации. В свою очередь пародийный или абсурдный вариант, утверждаясь в сознании и литературной традиции, порождает новый миф, ремифологизируясь. Анализируя избранные нами произведения, мы делали акцент на следующих преобразованиях: объект мифологизации (элементы классической литературы) – результат вторичной семиотизации – способ демифологизации.

В нашей работе названы следующие авторские приёмы демифологизации, используемые в текстах, содержащих знаки русской классической литературы: *пародия, реализация метафоры, приведение к абсурду, фамильяризация, ирония, поэтика метаописания*. Иллюстрациями этих явлений послужили метатексты, в которых русская классическая литература воспринимается в семиотическом ключе.

В первом параграфе второй главы исследования «**Пародирование сюжетов и героев в “зеркале отражений” как композиционный прием**» анализируется роман В.В. Набокова «Дар». *Пародия* позволяет рассмотреть привычные вещи в сниженном ключе, сделать великое смешным и приближенным к рядовому читателю, что нарушает иерархию, свойственную мифологическому порядку вещей. Объектом авторской пародии в романе «Дар» становятся следующие сюжеты и мотивы русской литературы: «образ поэта», миф о Чернышевском, миф о рождении текста (творческий процесс). Непререкаемый авторитет русской литературы ставится под сомнение, о чем свидетельствует диалог Годунова-Чердынцева с Кончеевым.

Для романа «Дар» характерно *отражение* образов русской классической литературы, но это искажённое отражение, кривое зеркало – сознание мифотворца. Годунов-Чердынцев – не *воспринимающий*, а *отражающий* мифы литературы герой. Словно он видит мифы и перенаправляет их, отражая, тем самым создавая новую «зазеркальную» реальность: миф, образовавшийся из мифа. Годунов-Чердынцев не пропускает мифических героев и мифические сюжеты внутрь себя, хотя ощущает присутствие литературных сюжетов и их героев в своей жизни. Он воспринимает их от-

страненно (извне), не живет ими, не чувствует через них, наконец, не использует литературу как способ спрятаться от жизни. Это объясняется тем, что он поэт, носитель дара, делающего его неуязвимым. Этот дар наделяет его способностью видеть суть вещей и дает ему право объяснять поступки своих предшественников – писателей-классиков, относиться к традиции по принципу «притяжения – отталкивания». Дар главного героя развивается по направлению от себя к другим, от лирического начала к романному, от развенчания мифов о прошлом русской литературы, идеалах XIX в., до сотворения мифа о русской литературе в эмиграции.

Миф разрушается, когда становится видимым его построение, процесс его создания. В таком случае мифы не влияют на Годунова-Чердынцева потому, что он знает, как они делаются: он сам занимается подобным мифотворчеством (создает роман-биографию о жизни Чернышевского).

Во *втором параграфе второй главы «Семиотика фотографии: образ и знак»* рассматривается механизм разрушения и воссоздания «пушкинского мифа». В.М. Маркович называет миф о Пушкине «одной из базисных моделей национального самосознания»¹⁵ и выделяет несколько фаз формирования этого мифа: первая начинается после смерти поэта и заканчивается речью Достоевского – миф о всемирности и всечеловечности гения Пушкина; вторая начинается после 1880 года – формирование и укрепление общенационального культа Пушкина; третья фаза знаменательна становлением оппозиции двух мифов – «о пророке» и «о чистом поэте». Мифы о Пушкине развиваются в русской культуре параллельно, но в определённых исторических условиях преобладает тот или иной миф.

В эссе В.В. Набокова «Пушкин, или правда и правдоподобие» и повести А.Г. Битова «Фотография Пушкина» наблюдается «параллельность пушкинского живого существования». Миф о Пушкине разрушается посредством использования *приёма реализации метафоры*: буквального преодоления времени и пространства с целью увидеть живого Пушкина. Задавшись целью проникнуть в эпоху Пушкина, Набоков использовал в качестве двери, ведущей туда, сознание душевнобольного человека, обращая повествование в своеобразный бред сумасшедшего, который заблудился во времени, датах, эпохах. Он видит Пушкина, но таким, каким мы его себе и представляли: цилиндр, тросточка, развевающийся плащ... Все это «правдоподобно». Пушкин оживает. Здесь как раз и реализуется основная задача мифа – «оживление» героя. Но Набоков разочарован: ему нужна «правда» (она запечатлена в творчестве), а не «правдоподобие». Набоков от попытки воссоздания портрета Пушкина-человека переходит к восстановлению образа Пушкина-поэта, признавая, что первая попытка обречена на неудачу.

¹⁵ Маркович В.М. Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России: сб. ст. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2007. – С. 65.

А. Битов углубляет и уплотняет сюжет эссе Набокова. В повести «Фотография Пушкина» описано фантастическое будущее: 2099 год, подготовка к празднованию юбилея поэта. Главный герой совершает настоящее, а не воображаемое путешествие в прошлое при помощи времялета для того, чтобы сфотографировать Пушкина (реализация метафоры). Но он также не увидел живого поэта: он видит только то, что ему говорили о Пушкине, то есть сформировавшиеся мифы о Пушкине. Живой поэт остался в своей эпохе, а Игорь Одоевцев постепенно понимает: попав в XIX век, он нисколько не приблизился к разгадке жизни поэта.

Опираясь на исследования Р. Барта о семиотической природе фотографии («Camera Lucida»¹⁶), мы рассматриваем фотографию как знак, ставший вещью. Фотография выступает как наивысшая степень концентрации текста, ставшего знаком; текста, утратившего значение и развитие, необходимое для понимания этого значения.

Фото убивает, фиксирует один миг жизни, а миф его постоянно творит, оживляет (явление «вечного» запечатлено, прочитывается через необратимые оппозиции *готовое / неготовое, мертвое / живое, застывшее / развивающееся*). «Фотография» Пушкина – это область «правдоподобия», не «правды», она бы разрушила миф о поэте.

В третьем параграфе второй главы «Образ “музея” как воплощенная идея хранения готовых смыслов» рассмотрен такой прием демифологизации, как *реализация метафоры*, «обытовление», на примере романа А.Г. Битова «Пушкинский дом». Развенчание литературных мифов представлено в сюжете разгрома музея, где музей – представление о вещи; вещь – на расстоянии, под стеклом, в выгодном освещении; где разгром – прорыв к сути вещи, к пониманию вещи, к сближению с ней (ср.: символ свободы романа – дядя Диккенс – «понимает вещи»). Существование русской классики принимает форму музейного экспоната, который наделяется историей, сопровождается объяснениями своего существования – то есть становится мифом. Символичны в связи с этим названия хранилищ культуры «пушкинский дом», «пушкинский заповедник», «город Пушкин». Концептуализируется заглавие-символ: Пушкинский дом – «дворец», «музей», «академическая цитадель», «научный центр» мирового значения, НИИ, «институт на набережной». Оппозиции *«жизнь / текст»* в романе взаимоотражаются, переходят друг в друга в духе постмодернистского дискурса, их граница размыта, текст наделяется свойствами живого существа: текст творит жизнь: «диссертация на сносях», «отворил свою диссертацию». А жизнь переходит в вымысел, закрепляется в книге (*мир – цитата, мир – книга, мир – текст*). Границы художественного текста определяются оппозициями, внутри которых он развивается. Нечеткие, размытые оппозиции делают границы текста условными, легко нарушаемыми и читателем, и волей автора. В романе А. Битова мы

¹⁶ Барт Р. Camera lucida. [Электронный ресурс] / Р. Барт. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/camera/.

видим попытку автора выйти за пределы, установленные литературой, попытку, которая в итоге разрушает роман как порождение авторского сознания, но в то же время сохраняет роман как результат деятельности читателя.

«Пушкинский дом» – текст о мифах и текст-миф одновременно. Это метароман, который содержит в себе литературоведческие заметки автора, статьи и рассказы героев, эпиграфы. Русская литература в этом романе представлена как основная идея, как двигатель конфликта, потому что без обращения к уже прочитанным текстам роман бы не состоялся в идейном плане, а остался бы лишь воплощенным в текст сюжетом. Структура романа «Пушкинский дом» включает в себя определенные черты (цикличность времени, обращенность к пратекстам, варьирование, оппозиция *культурный герой / трикстер*), которые свойственны мифологическому типу сознания. Русская классическая литература становится мифом, обратившись в знак в сознании воспринимающего ее как миф читателя.

Главный герой романа Лева Одоевцев строит свою жизнь согласно представлениям о мире, которые кажутся ему устойчивыми и незыблемыми. Символом этих общеизвестных представлений, общедоступных смыслов становится русская классическая литература как некая завершившаяся, состоявшаяся система. Героем она воспринимается как источник моделей поведения, суждений, отношений к действительности. Герой познает себя, сравнивая себя с героями русских классиков и самими классиками. Пространство литературы, включающее творческие биографии писателей, истории создания произведений, видится герою-читателю как нечто священное, незыблемое, истинное. Для автора русская классическая литература – символ устоявшихся привычных смыслов.

В главе рассмотрена семиотизация культурных мифов в русской классической литературе согласно схеме Р. Барта: «знак – значение – означаемое». Литературные тексты, сюжеты, герои получают новые значения в результате вторичной семиотизации. Знаками в романе становятся ее идеи, темы (интеллигенция, аристократия, избранничество, «тайная свобода»), герои (Евгений, Анна Каренина), авторы (миф о Пушкине, творческая биография Тютчева), сюжеты (дуэль, бунт); русская классика как совокупность текстов, некое идеальное пространство.

Объект признается мифологизированным, когда у слова, его обозначающего, появляется другое значение, то, которое мы сегодня называем «прямым». Первые мифы в нашем восприятии сплошь поэтичны, метафоричны, иносказательны, на что указывал А.Н. Афанасьев. Но для первобытного человека эти метафоры были первым и единственным смыслом вещи, познанием мира через называние. Это была самая настоящая *реальность, не осознававшая себя мифом*. В мифах у любого предмета помимо явных есть и другие функции, значения, которые являются первичными по отношению к видимому восприятию предмета. Подобные процессы происходят сегодня, но не с предметами, а с литературными текстами, смыслами, идеями.

Выделенные нами мифы могли бы быть рассмотрены и как темы, мотивы, ре-минисценции. В статье М.А. Черняк «"Сцепление времен": Пушкин, Набоков, Битов»¹⁷ механизм создания пушкинского мифа анализируется с позиции игровой поэтики в литературе постмодернизма, в ситуации, когда искусство становится игрой цитат и заимствований. Не механизм мифотворения через семиотизацию текстов. Рассмотренные нами выше элементы качественно отличаются от обычного литературного приема, так как оказывают влияние и на определение жанровых особенностей романа, и на содержательную, идейную часть. Обращение к так называемым «пратекстам» русской классической литературы носит не столько эстетический (хотя в первую очередь способствует формированию художественного пространства романа), сколько идейный характер – служит средством передачи авторской философии.

Миф как модель художественного сознания отличается особенной жизнеустойчивостью и порой пересиливает своего творца. Мифы о *величии, правильности, истинности* русской литературы порождены сознанием читателя.

В романе А. Битова «Пушкинский дом» внутренний сюжет развивается по законам взаимодействия процессов ре- и демифологизации: мифологизация русской классической литературы в сознании главного героя и разрушение этих мифов через погром музея, через вскрывшийся бунт Левы. Герою необходимо пережить ситуацию «остранения», чтобы увидеть их по-новому. Парадокс заключается в том, что процесс мифологизации содержит в себе разрушительный заряд, так как восприятие литературных образов и идей становится трафаретным и шаблонизированным, а демифологизация, напротив, как положительный акт, поскольку ведет к созиданию истинных, глубинных смыслов классических текстов. Художественная правда романа заключается в том, что нет никаких раз и навсегда установленных правил, идеальных образцов поведения, мышления и поступков. Человек должен прожить жизнь самим собой, а не прятаться за готовые формулы, имена, судьбы.

Все мифы, преследовавшие Леву на протяжении его недолгой и беспокойной жизни, автор собирает в одном музее и устраивает его разгром. То, что происходит с Пушкинским домом, – происходит и с русской классической литературой; то, что происходит с Левой, – с ее читателем. Мифы становятся видимыми читателю именно в момент своего разрушения (Р. Барт). До этого они настолько органично вписываются в «картину мира», что их невозможно заметить по принципу: уничтожить – значит обнаружить. Так, Митишатьев со стороны видит и понимает аристократизм лучше, чем Лёва, который является его частью.

¹⁷ Черняк М.А. «Сцепление времен»: Пушкин, Набоков, Битов / А.С. Пушкин и В.В. Набоков: сб. докладов междунаро. конф. 15–18 апреля 1999 г. – СПб.: Дорн, 1999. – С. 365–372.

В романе «Дар» Годунов-Чердынцев выполняет функции и героя, и творца текста, что позволяет говорить о принципиальном различии в мироощущении героев Битова и Набокова: Лева потребляет литературу, Годунов-Чердынцев создает литературу. Отсюда и принципиальное различие, связанное с влиянием литературы на жизнь каждого из этих героев. Лева подчинен сюжетам, идее, морали русской классической литературы. Годунов-Чердынцев свободен от этого влияния, потому что принадлежит к тем, кто создает литературу.

В первом разделе третьего параграфа анализируются «взаимоотношения автора и героя в метаописательной структуре романа “Пушкинский дом”». Автор обладает типом сознания, противоположным Левиному, и потому свободен от мифов: он творит их, а не живет ими. В сознании автора концептуализируется палитра пушкинских мифов («сплетня», «выдумка», «вымысел», «легенда»). Исследователи творческой метаописательной манеры А. Битова отмечают влияние В. Набокова на стиль и нарративные приемы писателя. Это сказывается, в частности, в приемах забегания автора вперед, в мотивах предварения и опережения событий, во фразах «начнем с конца» и в композиционной ситуации стирания событий, поэтизация «не-события», нереализации героя. В финале романа «Пушкинский дом» герои все прибрали, как будто ничего и не было, ничего не случилось.

Лев Николаевич Одоевцев проходит путь от литературного героя к живому человеку. В восприятии Левы мифы разрушаются, на их место приходит настоящая жизнь, неподвластная законам литературы. В обратном направлении происходит мифологизация образа деда. После смерти он превращается в легенду: в сознании людей он был уже не человеком, но мифом об опальном профессоре. Условием для мифологизации становится смерть, прекращение развития и движения, момент завершенности.

Переход «живого» слова в знак, вещь происходит, когда текст подменяется комментарием к тексту, размышлениями о нем. Поэтика метаописания разрушает «тайну» творения. Истина превращается в представление, в понятие об истине. Образуется своего рода зазеркалье, где действуют отражения, а призраки считаются ценными, значимыми. *Реализация метафоры* как разновидность демифологизации проходит следующие циклы или этапы смыслопорождения:

1) буквальное понимание переносного значения слова (превращение русской литературы в «музей», где готовые смыслы художественных произведений – музейные экспонаты, которые нужно хранить и оберегать);

2) разрушение этого значения (разгром музея, который соотносится с разрушением устоявшихся для героя правил и норм);

3) возвращение к первоначальному значению (вещь, которую освободили из-под музейной витрины, ценна сама по себе – тексты русской литературы, освобожденные от традиционного значения, становятся открытыми для свежего прочтения).

По мысли О.А. Ханзен-Леве: вещь становится артефактом, попав в музей (это подобно церковной сакрализации: музей – церковь для вещей), значит – в вечность.¹⁸ Освобождение ее смыслов и функций лишает ее этого статуса.

Преодоление эпической дистанции и «*фамильяризация*», по М.М. Бахтину, также разрушает миф. В **четвертом параграфе второй главы «"Памятник" и его трансформация в контексте анекдота»** выявляются особенности иронического отношения к официальному мифу. А. Терц использует жанр «прогулок», чтобы деканонизировать Пушкина, превращённого в памятник (оппозиция *движения / статуарности*). Неформальное отношение к поэту, который официально признан «великим», способствует снижению образа поэта и разрушению официального мифа. Анекдот как способ иронического видения привычной ситуации сокращает расстояние между героем и читателем. А. Терц в «Прогулках с Пушкиным» использует этот жанр, чтобы явить своим читателям Пушкина-человека, «живого» Пушкина, не отлитого в бронзу, не высеченного из гранита, не застывшего в точке своего величия. Автор, разрушая миф о Пушкине, творит свой, личный миф и призывает к этому читателей – стать мифотворцами. Вопреки официальному лозунгу «Пушкин – наше все», Терц видит причину рождения его гениальных произведений в пустоте Пушкина («наше ничто»).

В **пятом параграфе второй главы «"Город под куполом" и "заповедник" как мифологические модели искаженной абсурдом действительности»** анализируется прием «приведения к абсурду», который позволяет в мифе обнаружить смешное и нелепое. Абсурд разрушает не миф, а мифологическое сознание, в котором упорядочены все явления жизни. Миф уверен в истинности повествования, абсурд же через сомнение познает истину, подрывает основы мифологического мышления, тем самым побеждая миф, не выходя за его пределы, а пользуясь его же методами.

Миф о Пушкине – как «личном воплощении России» (С. Булгаков), «единственном опыте загробного существования» (А. Битов) – наряду со многими культурными мифами, подвергся испытанию абсурдом. Иллюстрацией к этому явлению являются рассказ Д. Горчева «Город Пушкин» и повесть С. Довлатова «Заповедник». В рассказе преломление мифа о Пушкине достигает крайней степени его развенчания, абсурдизации. Миф укрупняется и доходит до нелепости. Механика абсурда схожа с карикатурой, которая замечает выдающиеся, наиболее характерные черты объекта и увеличивает их до невозможных размеров. В итоге даже самое прекрасное становится безобразным.

В рассказе Д. Горчева обыгрываются самые узнаваемые детали облика Пушкина (цилиндр, бакенбарды), общеизвестные факты из его биографии (Дантес, Черная речка, Бенкендорф, Пущин, Арина Родионовна, Наталья Николаевна, Джжж) и творчества (Евгений Онегин, Станционный смотритель, Дуб зеленый). Пушкинский миф

¹⁸ Ханзен-Лёве О.А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду. – М.: РГГУ. – 2016. – С. 407.

известен всем русским людям и воспринимаем (пусть не всегда осознанно) каждым. Но назвать его, увидеть невозможно, потому что мы живем в пределах этого мифа: по словам А. Битова, «вся Россия – Пушкинский дом»¹⁹. Увидеть миф можно, только выйдя за его пределы, но тут начинается зона действия абсурда, и миф разрушается: теряет свою силу, которая заключена в сакрализации повествуемого.

Идея повести С. Довлатова «Заповедник», действие которой происходит на территории Михайловского поместья, нынешнего музея, заключается в том, что биография Пушкина и его поэзия становятся лишь формой культурной жизни, необходимым маркером интеллигентности. Ирония строится на несовпадении культа Пушкина и элементарного незнания туристами его стихов. Отношение к поэту, не обремененное знанием его творчества, перерождается в форму религиозного поклонения.

В повести «Фотография Пушкина» А. Битов описывает абсурдную ситуацию, возникшую во время эпохи «торжества охраны природы и памятников»: культурные центры прошлого так надежно сохранены под колпаками, что к культуре невозможно даже прикоснуться.

Литературные мифы создаются с помощью приемов ремифологизации (*семиотизация образов героев, редукция сюжета до имени, создание авторского мифа, обратимость оппозиции жизнь / текст*). Вторичная семиотизация текстов русской классической литературы приводит к созданию готовых и неподвижных образов-знаков, которые при взаимодействии с мифологическим сознанием становятся мифами. Модели подобного превращения связаны, главным образом, с идеей «памяти», с семантикой «хранилища» (*дом, музей, витрина, заповедник, купол, фотоальбом*) и завершенного образа (*фотография, маска, памятник*). Реакцией на такое мифотворчество рано или поздно выступит демифологизация.

Шестой параграф второй главы посвящен анализу «семиотики имени и его сюжетообразующей функции». В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» описываются приемы и ситуации, которые «мигрируют» в другие тексты. В частности, прием сжатия сюжета и его *редукция до имени*, в котором заложены смысл, идея произведения. На материале этого романа мы исследуем номинативную функцию русской классики. Герой романа осознает, что, принимая имя русской классической литературы, он принимает и определенные стереотипы поведения («подпольный человек», «шинель», «раскольников», «маленький человек» и др.). Петрович сам признается в своей принадлежности Русской литературе, но желает свергнуть ее власть, чтобы покинуть миф. Нами рассмотрены варианты и схемы этого избавления: «выпадение героя из текста в жизнь» как преодоление клишированного поведения и шаблонизированного сознания.

¹⁹ Битов А. Империя в четырёх измерениях / А. Битов. – М.: Фортуна Лимитед, 2002. – 748 с.

Можно провести параллель с «Пушкинским домом» А. Битова, в котором мифы творятся по моделям, заданным традициями русской классической литературы («дуэль», «поэт», «герой / толпа», «маленький человек», «интеллигенция»). Герой осознает их влияние на свою жизнь ближе к концу романа. В этом отличие: в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» центральное место занимает описание процессов избавления от влияния литературы. А. Битов показывает ситуацию, которая этому осознанию предшествует.

Авторский литературный миф отражает соотношение мифологического содержания и мифологизированной структуры. Мифологизация жанра романа происходит за счет сходных с мифом структурных элементов: цикличное время, архетипические модели, варьирование, среди персонажей – наличие культурного героя и трикстера, бинарные оппозиции («реальное / идеальное», «внутренняя свобода / внешнее поведение», «избранничество / обывательское сознание толпы», «жизнь / текст», «память / время»), которые в романе-мифе являются двигателем сюжета.

В романе-мифе очевидно противопоставление автора и читателя: это два противоположных типа сознания, два героя. Читатель способен воспринимать литературу как миф. Автор, создав действительность текста, способен наблюдать за ним со стороны, помогает читателю определённые ситуации увидеть более крупно и четко.

В текстах-мифах о русской классической литературе оппозиция «жизнь / текст» обратима, границы текста условны и легко нарушаются. Автор в «Пушкинском доме» проникает за пределы литературного текста в созданный им мир. Герой В. Маканина стремится избавиться от диктата Русской литературы по схеме выпадения из текста в жизнь. Герой повести А. Битова «Фотография Пушкина» фантастическим образом оказывается внутри текста стихотворения А.С. Пушкина «Не дай мне, Бог, сойти с ума...».

Итак, разрушение литературного мифа часто становится толчком для его последующей ремифологизации, создания новых мифов в результате вторичной семиотизации.

В третьей главе «Феномен “воскрешения” в контексте современного мифологического сознания» мы исследуем произведения, в которых наиболее полно отразились созидательная и гармонизирующая мифологические функции «живого» слова. Это романы-мифы: «Подвиг» В. Набокова, «Укус ангела» П. Крусанова, «Венерин волос» М. Шишкина, «Возвращение в Египет» В. Шарова. Концепт «слово» образует метасюжет русской литературы. В результате индивидуального авторского мифотворчества создается такая схема действительности, где текст первичен: Словом создается мир и Словом воскрешается.

В избранных нами произведениях очевидна не просто реализация оппозиции *жизнь / текст*, но и прямое влияние текста на жизнь. В романе «Венерин волос» жизнь героя творится вместе с восприятием текста. В «Укусе ангела» дана попытка

заменить историю мифологией, придать происходящим единичным событиям обобщенный характер. В «Подвиге» жизнь героя строится по заданному сюжету. Герои романа «Возвращение в Египет» убеждены, что литература формирует и может изменить ход исторических событий.

В *первом параграфе третьей главы* «Мифологемы в романе В. Набокова “Подвиг”» рассматриваются структурные и содержательные особенности романа-мифа: 1) направленность героя внутрь себя; 2) наличие мифологического героя; 3) мотив трудной задачи, пути; 4) мифологическое пространство; 6) мифологический сюжет; 7) инициация героя; 8) присутствие героев-двойников – и основные образы-мифологемы, используемые в тексте романа: (книга, поезд, путешествие, Россия, детство, память). Особенностью мифопоэтики романа является то, что миф в «Подвиге» – проекция мировоззрения личности, а не создание коллективного разума. Мартын творит миф не в тексте, а своей жизнью, своими поступками. Герой проходит инициацию не только внешнюю, но и внутреннюю.

Во *втором параграфе третьей главы* «Мифологическая структура романа П. Крусанова “Укус ангела”» анализируется ситуация, когда русская классическая литература становится основанием для авторской мифологии, которую демонстрируют разные уровни текста: сюжеты, образы, композиция. В романе Крусанова реализуются гипотетические схемы антиутопических предсказаний русской литературы, персонализируются, мифологизируются идеи «бунта», «воли», «слова».

Достаточно оригинальным представляется построение неомифа в романе М. Шишкина «Венерин волос», рассмотренного *в третьем параграфе третьей главы* («Эффект мифопорождения в романе М. Шишкина “Венерин волос”»). Некоторые структурные особенности этого романа: процесс цельного восприятия и гармонизации, оживления действительности – можно трактовать как способы обретения мифа. Писатель создает свой мир, но населяет его вымышленными персонажами.

Роман «Венерин волос» построен на чередовании рассказов, историй, воспоминаний, создающих неиерархическую картину мира. Нарративная организация его сложна (письма, дневниковые записи, воспоминания героя-рассказчика, вставные новеллы), но это лишь мнимая фрагментарность повествования, так как все эти истории имеют одного героя и одного автора. К тому же это истории об одном – о любви и смерти. Поскольку все фрагменты есть копии-инварианты «вечных сюжетов», каждый эпизод мифологизируется буквально на глазах у читателя. Толмач выступает в качестве посредника между слушателем и рассказчиком. Герой читает жизнь, как читатель – книгу: обнаруживает скрытые или необходимые смыслы, находит первоисточники и прототипы, цитируя античные мифы, «Божественную комедию», Библию, историю Древнего мира.

Миф помогает преодолеть абсурд жизни и смерти. В контексте романа миф символизирует необратимость жизни и судьбы (реализуется через считалочку о десяти негритьях). Слово, как в мифе, способно «оживлять»: герой посредством слов избегает разрушения своей жизни, забвения (здесь: смерти) близких людей. Прочитывается параллель *книга // воскрешение*: человек умер, память о нем стерлась, но

когда о нем пишут или читают, он воскресает, хотя бы на время звучания слова. Книга мира не просто талантливо прочитывается, но и творится в процессе чтения.

В *четвертом параграфе третьей главы* рассмотрен «авторский неомиф В. Шарова о судьбе России» на примере романа «Возвращение в Египет». Сюжет этого неомифа – поиск пути в земной Рай. Сотворение художественной реальности автором-демиургом совершается по моделям архаического мифомышления (ад, рай, исход, грех, праведность). Метаистория России интерпретируется как еще один комментарий к Священному Писанию, к идее повторяемости вечного пути. Интеллектуальный миф о России включает реализацию метафоры Гоголя о «мертвых душах» (символ советского бюрократизма), которых «не отпускают в смерть». Гротескное отрицание смерти (бунт против высших сил) передается через прием палиндрома, который выражает идею обратимости (и жизни, и текста): «Слова, которые всматриваются в свое отражение, осколки зеркала, втоптаные в язык. Надежда собрать все и склеить по-прежнему жива»²⁰. Литературный прием не просто «герой» повествования, он осуществляет механизм исторического процесса, или коловращения (маятник палиндрома движется от добра к злу и обратно), и выражает идею возможного возрождения.

Жизни рассказчиков, создателей текста, проживаются по заданным моделям, являются комментарием к тому, о чем писал Гоголь. По В. Шарову, в таком комментарии со временем начинает нуждаться любая книга: писатель делается персонажем романа, который есть жизнь. Литература по своей сути «вещь воровская», писатель присваивает «мертвые души» своих героев. Охваченность всех участников переписки одной идеей, их способность воспринимать и усваивать мысли друг друга позволяют говорить о таком явлении, как *коллективное мифологическое сознание*. Литературный миф о Гоголе содержит необходимые компоненты: *мифологический сюжет, мифологические символы, мифологические герои, отсылки к первоисточнику*. Создание *мифологического метатекста* возможно за счет помещения художественного произведения в один ряд с текстами заведомо мифологическими (с Ветхим Заветом, «Божественной комедией»). Роман подчеркнуто литературный, эпистолярный, псевдодокументальный.

Критическая рефлексия и поэтика метаописания разрушает литературный миф (тайну творчества), но становится частью мифа о писателе (ср.: интерпретации литературоведческих концепций в романе, в частности, В. Розанова и Д. Мережковского о Гоголе). В итоге – «Николай Васильевич занимает нас больше им написанного»²¹, или «Образ Пушкина заслоняет самого Пушкина»²². Областью современного мифологизирования становятся художественный и в определенном смысле литературоведческий дискурсы.

Пятый параграф третьей главы – «Функции “слова” в акте мифотворчества». Литературные параллели разбираемых нами текстов очевидны. Их объединяет

²⁰ Шаров В. Возвращение в Египет. – М.: АСТ, 2015. – С. 937.

²¹ Шаров В. Там же.

²² Черняк М. Там же.

тема взаимопроникновения текста и жизни, бытия Слова в жизни, где «слова – «душа мироздания» (В. Шаров). Литература не подражает жизни, а формирует ее, задает ей направление. Подражание жизни тексту проявляется не в банальном повторении сюжетов, а в перенимании его принципов и формул, приемов построения.

В *заключении* подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются дальнейшие пути изучения обозначенных проблем, перспективных, на наш взгляд, в аспекте возрождения субстанциально-мифологических представлений в современной прозе, в дальнейшем анализе схем мифомышления и его механизмов, приемов литературной де- и ремифологизации в том числе и в сфере литературоведческого дискурса, индивидуально-авторской научной мифологии («поэтической мифологии», знакового универсума, по словам Р. Якобсона).

Русская литература как смысловое пространство со своей особой атмосферой, законами, пафосом, героями воспринимается сегодня как единый метатекст. Превращаясь в знак, литературные тексты становятся новыми смысловыми единицами языка культуры. Как и слово, свёрнутый до знака текст русской классической литературы способен созидать, сохранять, воскрешать.

Ключевые положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК МО и науки РФ:

1 Семушина, К.А. Традиции набоковского мифа о Пушкине в повести А.Г. Битова «Фотография Пушкина» [Текст] / К.А. Семушина // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 2. – С. 89–90. – [Статья 0,23 п.л.].

2 Семушина, К.А. Мифопоэтика романа М.П. Шишкина «Венерин волос» [Текст] / К.А. Семушина // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 3 (50). – С. 9–97. – [Статья 0,23 п.л.].

3 Семушина, К.А. Номинативная функция сюжетов русской классической литературы в художественной системе романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» [Текст] / К.А. Семушина // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 4 (55). – С. 124–126. – [Статья 0,23 п.л.].

4 Семушина, К.А. «Город под куполом» или «заповедник»: доведённая до абсурда действительность [Текст] // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 1/1. – С. 181–184 [Статья 0,23 п. л.].

В других научных изданиях:

1 Семушина, К.А. Мифологическое двоимирие в романе М. Павича «Внутренняя сторона ветра» [Текст] / К.А. Семушина // Современный роман: русский и зарубежный : сб. ст. / Под ред. А.В. Татарина. – Краснодар : ZARLIT, 2010. – С. 183–187. [Статья 0,23 п.л.].

2 Семушина, К.А. Мифы русской классической литературы в романе Андрея Битова «Пушкинский дом» [Текст] / К.А. Семушина // Актуальные проблемы совре-

менного языкознания и литературоведения : материалы 11-й межвузовской конференции молодых учёных 14 апреля 2012 г. – Краснодар, 2012. – С. 133–140. [Статья 0,46 п.л.].

3 Семушина, К.А. Соотношение мифа и абсурда в акте мифотворчества современной прозы [Текст] / К.А. Семушина // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры : материалы II Международной научно-практической конференции 15 ноября 2012 г. : сб. науч. тр. – Краснодар, 2012. – С. 146–150. [Статья 0,23 п.л.].

4 Семушина, К.А. Мифопоэтика романа А.Г. Битова «Пушкинский дом» [Текст] / К.А. Семушина // Развитие социально-культурной сферы России : материалы региональной научно-практической конференции молодых учёных 15–17 мая 2013 г. – Краснодар, 2013. – С. 167–168. [Статья 0,12 п.л.]

5 Семушина, К.А. Лермонтовские интертексты А. Битова [Текст] К.А. Семушина // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа : сб. науч. ст. по итогам Всероссийской научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Краснодар, 2014. – С. 154–160. [Статья 0, 35 п.л.].

6 Семушина, К.А. Оппозиция текст / жизнь в обратном прочтении гоголевского мифа / К.А. Семушина // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы II Международной научно-практической конференции молодых учёных (докторантов, аспирантов и магистрантов). – Краснодар, 2017. – С. 205–207. [Статья 0,4 п. л.].

7 Львова, К.А. Мифологическая структура романа П. Крусанова «Укус ангела» / К.А. Львова // Молодой учёный. – 2019. – № 3 (241). – С. 394–396. [Статья 0,23 п. л.].

Автореферат

Львова Катерина Алексеевна

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ СХЕМЫ МИФОМЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Подписано в печать 30.09.2019г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 1,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 3890.2

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.